

Ф. Д. ДЖЕЙМС

Ф. Д. ДЖЕЙМС

ИЗОЩРЕННОЕ УБИЙСТВО

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д40

Серия «Эксклюзивная классика»

P. D. James

A MIND TO MURDER

Перевод с английского *Е. Ваглиенти*

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения литературных агентств
Greene and Heaton Ltd. и Andrew Nurnberg

Джеймс, Филлис Дороти.

Д40 Изошренное убийство : [роман] / Ф. Д. Джеймс ;
[перевод с английского Е. Ваглиенти]. — Москва :
Издательство АСТ, 2025. — 320 с. — (Эксклюзив-
ная классика).

ISBN 978-5-17-163443-8

В подвале дорогой психотерапевтической клиники обнаружен труп жестоко убитой женщины.

Многоопытный следователь Адам Дэлглиш, ведущий расследование, вскоре понимает: преступление мог совершить практически любой сотрудник клиники, за respectableм фасадом которой скрывается лабиринт темных страстей, интриг и амбиций.

Никогда еще не приходилось Дэлглишу проигрывать схватку с преступниками.

Но на сей раз убийца не уступает ему ни решительностью, ни интеллектом и, кажется, обгоняет его на шаг...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© P.D. James, 1963
renewed © P.D. James, 1991
© Перевод. Е. Ваглиенти, 2024
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2025

ISBN 978-5-17-163443-8

Оглавление

Глава 1	9
Глава 2	55
Глава 3	121
Глава 4	144
Глава 5	184
Глава 6	226
Глава 7	275

В Лондоне довольно мало автономных исследовательских центров, занимающихся проблемами психиатрии. И так как все эти медучреждения имеют общий профиль и в конечном итоге контролируются Государственной службой здравоохранения, то вполне очевидно, что в них применяются сходные методы лечения и администрирования. Не является исключением и клиника Стина. Важно подчеркнуть, что клиника Стина — плод авторской фантазии. Она расположена в вымышленном лондонском районе. Ни один из ее пациентов или сотрудников, будь то врач или специалист, не получивший медицинского образования, не имеет ничего общего с каким-то реальным человеком. Печальные события, произошедшие в стенах клиники, обусловлены исключительно любопытным психологическим феноменом — воображением автора детективных романов.

Ф. Д. Дж.

Глава 1

Доктор Пол Штайнер, психиатр-консультант клиники Стина, сидел на первом этаже в кабинете, окна которого выходили на главный фасад, и слушал в высшей степени рациональные умозаключения одного пациента по поводу краха его третьего брака. Мистер Бердж лежал, расслабившись на кушетке, что позволяло ему в полном спокойствии рассуждать о собственных психических расстройствах. Доктор Штайнер сидел, почти утонув в кресле того строго определенного типа, что административно-хозяйственная комиссия предписала использовать консультантам. Кресло было функционально и не лишено изящества, но не позволяло удобно опереть на него шею. Время от времени острое покалывание в мышцах шеи заставляло доктора Штайнера очнуться от мимолетного забытья и вернуться к реальности обычного пятничного вечера в психотерапевтической клинике. Сегодня было удивительно тепло. После двух недель сильных заморозков, заставлявших сотрудников клиники дрожать и стонать от холода, официальная дата включения отопления пришлось как раз на один из тех великолепных октябрьских дней, когда городская площадь за окном наполнялась светом, а поздние георгины в огороженном садике, яркие, как на картинке, переливались пестрыми летними красками. Было почти семь часов

вечера. Дневное тепло давно ушло, уступив место туману, на землю опустилась промозглая темнота. Но здесь, в стенах клиники, полуденный жар был заперт, словно в ловушке, а воздух, тяжелый и неподвижный, казалось, хранил в себе тайны бесчисленных дневных разговоров.

Мистер Бердж жалобным фальцетом излагал мудрые мысли об инфантильности, холодности и бесчувственности своих жен. Профессиональная интуиция доктора Штайнера, на которую несколько не повлиял тот факт, что он переел за обедом и явно ошибся в выборе пирожка к пятичасовому чаю, подсказывала ему: сейчас не самое лучшее время объявлять о том, что у трех мадам Бердж был лишь один общий недостаток — у них у всех, видимо, случилось временное помутнение рассудка, когда они согласились выйти замуж за этого человека. Однако мистер Бердж пока не был готов узнать всю правду о собственной неадекватности.

Доктора Штайнера несколько не возмущало поведение его пациента. Действительно, было бы в высшей степени неэтично позволять неподобающим мыслям влиять на объективность врачебной оценки. Однако бывали в жизни и такие моменты, которые вызывали в докторе Штайнере бурю негодования, и большинство из них самым жестоким образом нарушало его душевное спокойствие. Многие такие моменты, разумеется, были связаны с клиникой Стина и деятельностью ее администрации. В частности, он с глубочайшим неодобрением относился к заведующей административно-хозяйственной частью, мисс Бодем, которая с такой невыносимой скрупулезностью подсчитывала количество его пациентов и изучала отчеты по дорожным расходам, что ему

10   казалось, будто он систематически подверга-

ется преследованиям с ее стороны. Еще Штайнера страшно раздражал тот факт, что время его вечернего приема по пятницам совпадало с часами работы отделения электрошоковой терапии, которое возглавлял доктор Джеймс Бейгли. Из-за этого пациентам психотерапевтического отделения, людям большого ума, прекрасно осознающим, насколько им повезло, что их лечит такой доктор, как Штайнер, приходилось сидеть в приемной вместе с разношерстно одетыми депрессивными домохозяйками из пригородов и малообразованными психопатами, которых, судя по всему, обожал коллекционировать Бейгли.

Доктор Штайнер отказался работать в кабинетах на четвертом этаже. Он презирал эти помещения, нарезанные при помощи перегородок из изысканных и просторных георгианских комнат, называя их мысленно отвратительными и непропорциональными клетушками, которые не соответствовали ни высоте его ученой степени, ни важности его работы. Но переносить свои приемные часы ему было бы неудобно. Поэтому Бейгли должен был перенести свои. Однако в этом вопросе доктор Бейгли оставался непреклонным, и, как подозревал доктор Штайнер, его поддерживала мисс Бодем. Заявление Штайнера о необходимости шумоизоляции кабинетов на первом этаже было отклонено административно-хозяйственной комиссией на основании того, что это слишком дорого. Зато она без лишних вопросов обеспечила новым дорогостоящим оборудованием отделение Бейгли, чтобы тот своей шокотерапией вышибал из пациентов остатки ума, которые они пока чудом сохраняли. Разумеется, этот вопрос обсуждался и лечебно-медицинской комиссией, но мисс Бодем явно дала всем понять, кому она симпатизирует больше. Прознося диатрибы против заведующей хозяй-

ством, доктор Штайнер всегда с превеликим удовольствием забывал о том, что на лечебно-медицинскую комиссию она не имеет никакого влияния.

Однако забыть о проходящем поблизости сеансе ЭШТ было весьма сложно. Здание клиники возвели в те времена, когда строили на совесть, но даже через крепкую дубовую дверь в кабинет Штайнера доносились звуки шагов людей, снующих по коридору в пятницу вечером. Парадную дверь закрывали в шесть вечера, и все вечерние пациенты обязаны были регистрироваться при входе и выходе. Такой порядок установили с тех пор, как пять лет назад одна пациентка незаметно проскользнула в клинику, тайком пробралась в туалет на цокольном этаже и решила покончить с собой в этом не самом стерильном месте. Прием доктора Штайнера зачастую прерывался звонками в парадную дверь, топотом уходящих и приходящих людей, радостными возгласами родственников или сопровождающих, которые либо внушали что-то пациентам, либо прощались со старшей сестрой Эмброуз. Доктор Штайнер всегда недоумевал, почему родственники орут на пациентов так, как будто те не только психически больны, но и страдают глухотой. Хотя, возможно, после сеанса электрошокотерапии у Бейгли они и правда теряли слух.

Хуже всех была уборщица — миссис Шортхаус. Многие могли бы подумать, что Эми Шортхаус проводит уборку по утрам, как принято в большинстве медицинских учреждений. Так она доставляла бы минимум беспокойства остальному персоналу клиники. Однако миссис Шортхаус настояла на том, что не успевает справляться с работой, если не трудится еще два часа вечером, с чем мисс Бодем не могла не согласиться. Еще бы! Тем не менее доктору

12 Штайнеру казалось, что по вечерам в пятницу

практически никакой уборки не происходит. Миссис Шортхаус питала теплые чувства к пациентам ЭШТ — естественно, ведь когда-то ее муж и сам лечился у доктора Бейгли, — так что обычно во время приема можно было увидеть, как она слоняется без дела по приемной и общему кабинету на первом этаже. Доктор Штайнер не раз говорил об этом на заседании лечебно-медицинской комиссии, и полное отсутствие интереса к этому вопросу со стороны коллег жутко его раздражало. Миссис Шортхаус следует заставлять заниматься работой, а не позволять ей бездельничать, сплетничая с пациентами. Однако мисс Бодем, будучи чрезмерно строгой с другими сотрудниками, не считала нужным одергивать миссис Шортхаус. Все знали, что хорошую уборщицу найти непросто, но заведующий административно-хозяйственной частью, который знает свое дело, смог бы изыскать такую возможность. А слабость и попустительское ничегонеделание не решали. Бейгли невозможно было уговорить пожаловаться на миссис Шортхаус, а Бодем никогда не стала бы критиковать Бейгли. Вероятно, бедная женщина была влюблена в него. Бейгли должен был бы предпринять решительные действия, а не шататься праздно по клинике в несуразно длинном белом халате, который делал его похожим на второсортного дантиста. У этого человека не было ни малейшего понятия о том, с каким достоинством должен держаться практикующий врач.

Тяжело, очень тяжело, кто-то протопал по коридору в ботинках. Вероятно, это был старый Типпет, пациент Бейгли, хронический шизофреник, который в течение последних девяти лет регулярно проводил пятничные вечера за резьбой по дереву в отделении, где больные занимались творчеством. Мысль о Типпете еще больше усилила раздражение

доктора Штайнера. Этому человеку совершенно нечего было делать в клинике Стина. Если даже он чувствовал себя достаточно хорошо и не нуждался в стационарном лечении, в чем доктор Штайнер сильно сомневался, то ему следовало посещать поликлинику или одну из мастерских под патронажем Совета графства. Именно такие пациенты, как Типпет, приносили клинике дурную славу и вводили всех в заблуждение относительно ее истинного предназначения как аналитического центра психотерапии. Доктор Штайнер был глубоко потрясен, когда один из его тщательно отобранных пациентов как-то вечером пятницы столкнулся с Типпетом, крадущимся по коридору. Более того, Типпет был небезопасен для общества. В любой момент мог произойти какой-нибудь инцидент, и тогда Бейгли оказался бы в крайне неприятной ситуации.

Возникший в голове доктора Штайнера образ его коллеги в крайне неприятной ситуации лопнул как мыльный пузырь, когда раздался звонок в парадную дверь. Нет, это было просто невозможно! Очевидно, пришел водитель машины «скорой помощи», чтобы забрать пациента. Миссис Шортхаус направилась к двери, чтобы быстрее выпроводить непрошенных гостей. Ее жуткий хрипловатый голос разнесся эхом по всему коридору:

— Привет, ребятки. Увидимся на следующей неделе. Если уж не хотите хорошо себя вести, то по крайней мере будьте осторожны.

Доктор Штайнер поморщился и закрыл глаза. Но его пациент, радостно отдавшийся любимому занятию — произнесению монолога о самом себе, казалось, ничего не слышал. Мистер Бердж вот уже двадцать минут продолжал жалобно ныть на

14   той же высокой ноте:

— Я и не изображаю человека, с которым легко ладить. Я не такой, я парень сложный. Именно этого Тида и Сильвия так и не поняли. Разумеется, корни этой проблемы уходят намного глубже. Помните нашу беседу в июне? Тогда, я думал, выяснились кое-какие основные моменты.

Лечащий врач не мог вспомнить тот разговор, да и не ставил перед собой такой задачи. С мистером Берджем основные моменты неизменно покоились где-то на поверхности и вполне могли всплыть сами собой. Воцарилась странная тишина. Доктор Штайнер машинально черкнул что-то у себя в блокноте, затем изучил каракули с неподдельным интересом и беспокойством, посмотрел на них снова, перевернув блокнот, и на мгновение сосредоточился на собственном подсознании, а не на подсознании своего пациента. Внезапно он уловил какой-то шум, доносящийся извне, сначала слабый, а затем все более и более громкий. Где-то пронзительно кричала женщина. Это был ужасный звук, высокий, непрерывный и совершенно животный. Он оказал на доктора Штайнера поразительно неприятный эффект. По природе своей врач был робок и чувствителен. И хотя по долгу службы ему изредка приходилось переживать эмоциональные кризисы, он гораздо искуснее умел действовать хитростью и обманом, чем справляться с непредвиденными ситуациями. Страх заставил Штайнера выплеснуть раздражение, он вскочил с кресла, воскликнув:

— Нет! Действительно, это уже никуда не годится! Куда смотрит мисс Бодем! Разве никто не должен следить за тем, что здесь происходит?

— Что случилось? — осведомился мистер Бердж, мгновенно сев на кушетке, как кукла-попрыгунчик. Его голос понизился на пол-октавы и стал звучать почти как обычно.